

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.Д. САХАРОВА:
О встрече в Горьком с Президентом АН СССР академиком
Г.И. Марчуком 19 декабря и
о возвращении в Москву 23 декабря

...Через три дня (*после звонка М.С. Горбачева 16 декабря*) состоялась встреча с президентом АН Марчуком, о которой говорил Горбачев (не в квартире, а в Институте физики, куда меня привезли на директорской машине). Разговор происходил с глазу на глаз. Я впервые видел недавно избранного президента. Это был плотный мужчина среднего возраста, деловой, хваткий, типичный организатор науки новейшей формации. Марчук сказал: «Ваше письмо Михаилу Сергеевичу произвело на него большое впечатление. Я получил из Президиума Верховного Совета тексты Указов по Вашему делу». С этими словами он достал из нагрудного кармана пиджака помятую бумажку с рваными краями и прочитал (я на слух записал буквально, не исправляя синтаксиса): «1. Прекратить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года о высылении Сахарова в административном порядке из Москвы. 2. Указ Президиума Верховного Совета СССР о помиловании Боннэр Е.Г., освободив ее от дальнейшего отбывания наказания».

Марчук добавил, что тексты Указов ему сообщили по телефону, он просит не ссылаться на него. Я заметил, что за неимением другой информации я буду вынужден ссылаться. Отвечая на мои вопросы, Марчук сказал, что он не знает даты Указов и что ему ничего не известно о возвращении мне наград (возвращение наград означало бы косвенное признание неправильности действий властей в отношении меня в 1980 году, но, видимо, до такого дело пока не дошло). В целом, у меня осталось много неясностей, и среди них главная – да был ли вообще Указ о моем высылении, или решение было принято на уровне КГБ. Единственный Указ, о существовании которого известно точно, – это о лишении меня наград.

Марчук сказал, что он хочет обсудить мое возвращение к активной научной работе, мою общественную позицию. «Я хотел бы понять Ваше кредо в общественных делах. Вы обладаете большим авторитетом, к Вашему мнению многие прислушиваются». Я ответил ему довольно развернуто. Марчук внимательно слушал. В некоторых пунктах он подчеркнул свое несогласие, в частности это касалось линии действий СССР в так называемых горячих точках (я сказал, что политика СССР иногда объективно является провоцирующей), проблемы Афганистана и принципа «пакета», связывающего соглашения по вопросам межконтинентальных и евrorакет с соглашением по СОИ. Я особо выразил свою заинтересованность в судьбе узников совести. Марчук сказал: «Учитывая, что Вы поднимали этот вопрос, мне сообщили из Верховного Совета СССР следующее. Многие из интересовавших Вас осужденных освобождены, или условно освобождены, или переведены на ссылку, некоторые получили разрешение на выезд за границу. Сейчас продолжается рассмотрение дел некоторых других лиц. Необходимым условием освобождения является, как мне сообщили, заявление об отказе от продолжения антиобщественной деятельности». Я резко возразил: «Это посягательство на свободу убеждений, ломка человека, это неправомерно и несправедливо». Марчук сказал: «Излишняя концентрация на негативных явлениях, которые сейчас изживаются, может привести к Вашей изоляции в академической среде, это мнение многих академиков, с которыми я говорил». Он упомянул о предстоящем в Москве Форуме по проблемам разоружения, я обещал подумать о своем участии. Я также высказал мысль о целесообразности моей встречи с Эдвардом Теллером¹. Это была бы встреча двух независимых и авторитетных людей для выяснения разных принципиальных подходов к проблемам разоружения, СОИ и т.п. Заключительная часть беседы касалась моего участия в МТР, проблем

¹ Теллер, Эдвард – американский физик, участник создания американской ядерной и термоядерной бомб, противник разоружения.

безопасности ядерной энергетики и предупреждения землетрясений. Я сказал о желательности привлечения к работе в ФИАНе² Б.Л. Альтшулера³.

Вечером того же дня (19 декабря) на телевизионной пресс-конференции в МИДе, посвященной мораторию на ядерные испытания, замминистра Петровский, отвечая на (инспирированный, конечно) вопрос, сказал: «Некоторое время тому назад академик Сахаров обратился с просьбой разрешить ему перебраться (!!) в Москву. Эта просьба рассмотрена, в частности в АН СССР, с учетом того, что Сахаров длительное время находился вне Москвы. Одновременно принято решение о помиловании гражданки Боннэр Е.Г. Таким образом, Сахаров получает возможность вернуться к научной работе – теперь на Московском направлении» (почти точная, на слух запись телепередачи). Стилль бесподобен, так же, как «фигуры умолчания»! Обращают на себя внимание ссылки на Академию и на длительность «нахождения вне Москвы» как на причину возвращения. Об Указе в отношении меня – ни слова.

...У меня было смутное, но неприятное чувство, вызванное моим письмом М.С. Горбачеву от 23 октября, – хотя умом я и понимал, что ни в коей мере себя не унизил и не взял на себя никаких юридических обязательств, ограничивающих свободу моих выступлений в важных вопросах, когда я «не могу молчать». Более того, я и по существу не обманывал Горбачева в отношении своих действий – я действительно хотел ограничиться только важными общественными делами...

22 декабря мы, наскоро собрав несколько сумок и оставив в квартире большую часть вещей, выехали из Горького... 23-го утром мы вышли на перрон Ярославского вокзала, запруженного толпой корреспондентов всех стран мира (как потом оказалось, там были и советские). Около 40 минут я медленно продвигался к машине в этой толпе (Люся оказалась отрезанной от меня) – ослепляемый сотнями фотовспышек, отвечая на непрерывные беглые

² ФИАН – Физический институт Академии наук СССР, в настоящее время Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской академии наук.

³ Альтшулер, Борис Львович – физик, правозащитник.

вопросы в подставляемые к моему рту микрофоны. Это неформальное интервью было прообразом многих последующих, – а вся обстановка как бы «моделью» или предвестником ожидающей нас беспокойной жизни....

Андрей Сахаров. «Горький, Москва, далее везде». Публикация Елены Боннэр. Журнал «Знамя», № 9, сентябрь 1991. С. 16-18.